

Дуран А.С. Испанский либерализм XIX века: от идеалов национального суверенитета к конституционализму // Науч. ежегодник Ин-та философии и права Урал. отд-ния Рос. акад. наук, 2017. Т. 17, вып. 4. С. 53–80.

УДК 329.12

DOI 10.17506/ryipl.2016.17.4.5380

ИСПАНСКИЙ ЛИБЕРАЛИЗМ XIX ВЕКА: ОТ ИДЕАЛОВ НАЦИОНАЛЬНОГО СУВЕРЕНИТЕТА К КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМУ

Армандо Сероло Дуран¹

PhD, ассоциированный профессор

Мадридский университет Сан-Пабло (CEU),

Испания, г. Мадрид. E-mail: azduran@ceu.es

Материал поступил в редколлегию 30.08.2017 г.

Либерализм появляется в Испании в начале XIX в. как спонтанное народное движение против наполеоновского абсолютизма. Нация обретает самосознание, благодаря чему в Испании зарождается политический модерн. Особенность испанской политической реальности заключается в том, что в Испании, в отличие от других стран, либералы борются за возведение на престол Фердинанда VII, а не против монархии как таковой, как это было, например, во Франции. Отношения либерализма с монархией придают ему весьма специфический характер. Идеологически это оригинальный либерализм, потому что он происходит от сугубо национальной политической реальности – так называемой средневековой испанской монархии, основанной Католическими королями и ценимой как умеренными либералами, так и правыми радикалами. Эта политическая форма является для испанского либерализма основополагающим мифом и предшественницей современной конституционной монархии. Испанский либерализм – это не реализованная до конца попытка, он так и не обрел своего политического тела и оказался несовместимым с интересами народных масс, что и привело к гражданской войне 1936–1939 гг.

---

¹ Армандо Сероло Дуран (Armando Zerolo Durán) изучал право и политические науки в университете San Pablo-CEU (Мадрид), докторскую степень получил в Сорбонне (Paris I), работал в университетах Нотр-Дам (США) и Вюрцбурга (Германия). Является специалистом по истории идей Нового и Новейшего времени; переводит труды французских консерваторов Р.-Ф. Шатобриана и Б. де Жувенеля на испанский язык. В настоящее время является профессором факультета права в университете San Pablo-CEU. В 2013 г. выпустил монографию «Генезис государства-Минотавра. Политическое мышление Бертрана де Жувенеля» («Génesis del Estado Minotauro. El pensamiento político de Bertrand de Jouvenel»). В 2017 г. выйдет в свет его новое исследование «Конституционная монархия. Принципы либерального государства по Шатобриану» («La Monarquía Constitucional. Principios del Estado Liberal según Chateaubriand»).

Редакция журнала «Научный ежегодник ИФИП УрО РАН» благодарит профессора А. Сероло Дурана за любезно предоставленный текст.

Ключевые слова: либерализм, испанская монархия, суверенитет, современный конституционализм, Испания XIX в.

Введение. Либерализм в Испании – это доктрина, которая претендовала на то, чтобы возглавить транзит от средневековой испанской монархии, какой она сложилась во времена Католических королей, к современной конституционной, имеющей эгалитарный характер, однако реализация этой доктрины провалилась из-за незрелости политических институтов, монархического абсолютизма и общей недееспособности социально-политической элиты.

Конечно, попытка поднять статус понятия «либерализм» до категории концепта, которая предполагает универсальность и необходимость, означает игнорирование того факта, что политические идеи формируются в определенные моменты истории и являются изменчивыми, а следовательно и объясняются лишь в тесной связи с историческими событиями. Просвещенные либералы, возможно, грешили историцизмом, ощущая себя реинкарнацией универсальной идеи свободы и полагая, что к концу истории осуществится то, что зародилось еще во времена классической Греции и Рима и лишь затмилось в Средние века. Так, например, Альберто Листа¹ писал в газете «Цензор» («El Censor»), что «либерализм связан с сущностью европейских обществ ... он – результат всей истории, древней и новой... Свобода является продуктом цивилизации» [цит. по: Fernández Sebastián 2006: 130]. Ощущение, что мы живем во времена исторической завершенности, вероятно, и придало зарождающемуся в Испании либерализму утопический характер или, иначе говоря, характер внеполитический.

Завершенность испанского либерализма как политической реальности была достигнута лишь тогда, когда осуществилась попытка соединить его конкретную историческую конфигурацию с определенным местом, с локально-историческими условиями Испании. Задача, которую уже на протяжении многих десятилетий решает научная школа Истории идей, основанная еще Х. Ортега-и-Гассетом под непосредственным влиянием Л. фон Ранке и развитая выдающимися испанцами Л. Диесом дель Корралем и Д. Негро Павоном, а также такими современными западными историками, как Р. Козеллек, Дж. Г.А. Покок, К. Скиннер, П. Розанваллон, Х. Фернандес Себастьян и др., имеет целью анализ политических концептов в подчеркнутом историческом аспекте, что позволяет очистить идею либерализма от всего поверхностного, а затем обратиться и к частным случаям ее проявления в качестве политического феномена.

Опираясь на данную методологию, которая заставляет уважать исторический характер политических идей, мы считаем, что необходимо выделять по меньшей мере два этапа в развитии испанского либерализма. Первый

¹ Альберто Родригес де Листа-и-Арагон (1775–1848) – выдающийся испанский математик, поэт-романтик, журналист и литературный критик; сооснователь и со-редактор газеты «Цензора» (1820–1822 гг.). По политическим взглядам Листа был леворадикальным либералом (прогрессистом), принадлежал к сторонникам радикальной модернизации по французскому образцу. Его именем названа одна из станций мадридского метро (примеч. переводчика).

этап – это либерализм «досеанистов» («либералов 1812 года»), который начал складываться в 1808 г. во время Войны за независимость (1808–1814 гг.) и завершился в 1834 г. с принятием Королевского статута. Испанский либерализм на этом этапе мы полагаем *либерализмом национального суверенитета*, поскольку он определяет современный концепт суверенитета, который первоначально был чужд испанской политической традиции, и во многом предвосхищает дальнейшее развитие этого импульса. Второй этап мы могли бы обозначить как *конституционалистский либерализм*; он начинается с принятия Королевского статута и этактистской доктрины разделения властей, а завершается в 1874 г. в связи с успехами монархической реставрации после падения I Республики и явной девальвацией идеалов либерализма XIX в.

Либерализм национального суверенитета (1808–1834). Так называемый либерализм «досеанистов» дает начало современному испанскому конституционализму.

*Испанские источники либерализма как политической реальности*¹. Для Фернандеса Себастьяна нет «никакой серьезной причины для того, чтобы утверждать, что первый реально существовавший либерализм был продуктом некой концептуально-политической лаборатории, появление которой спровоцировал кризис монархии Бурбонов в испанской Атлантике в начале XIX в.» [Fernández Sebastián 2006: 134]. Безусловно, слово «либерализм» существовало уже и в Англии, и, прежде всего, во Франции, тем не менее фактом является то, что именно в Испании оно начинает использоваться систематически для обозначения определенной партии или политической фракции. Это происходит в самом начале Войны за независимость, когда на Учредительных кортесах в Кадисе оформляются политические силы, заинтересованные в отстаивании определенной политической программы. Непосредственные свидетели об этом говорят прямо. Например, граф де Торено² указывает, что «публика определенно называла либералами тех, кто принадлежал к первой из двух партий, может быть, потому, что они в своих речах часто употребляли такие слова, как “*принципы*” или “*либеральные идеи*”, а отсюда, как это бывает, от вещей слово перешло и на людей» [цит. по: Fernández Sebastián 2006: 133]. Переход от идей к людям, от рефлексии –

¹ «Слово “либеральный”, применимое к партии или индивидам, является по своему происхождению испанским и модерным, поскольку использовать его начали в Кадисе в 1811 г. и уже после этого оно перешло во Францию, Англию и другие страны. Под “свободными искусствами” римляне понимали занятия свободных людей. “Либеральность” в смысле великодушной толерантности или позитивной интерпретации мышления и странных фактов – слово, употребляемое давно, особенно англичанами. Так, Э. Бёрк в 1790 г. в своей жесткой критике Французской революции о первых революционерах сказал: *Their liberty is not liberal*. Во Франции до 1799 г. никто не использовал слово “либеральный” в политическом смысле, пока Бонапарт, покончив со свободой, не заставил своих писак говорить, что его триумф над Советом пятисот и революционерами был триумфом либеральных идей. Из общеупотребительного слова “свобода” рождается новое слово “либерализм”» [Alcalá-Galiano y Villavicencio 1955: 440].

² Хосе Мария Кейпо де Льяно-и-Руис де Сарабия, VII граф де Торено (1786–1843) – выдающийся испанский историк, видный представитель либерально-консервативного крыла партии «модерадос» (умеренных либералов); в 1834–1835 гг. занимал несколько министерских постов и был Председателем Правительства (примеч. переводчика).

к организации, а отсюда и к коллективному действию – все это говорит о существовании политической реальности и – в данном случае – о политическом рождении либерализма. Аналогичное свидетельство предоставляет нам и другая выдающаяся персона, Агустин де Аргуэльес¹, который считает, что причиной, по которой либералами начали называть определенную фракцию, стала «частота использования в дискуссиях и дебатах слова “либерал” не только в своем первоначальном смысле, но и для выражения всего того, что по своему духу и тенденции указывало на зарождение и утверждение свободы» [цит. по: Fernández Sebastián 2006: 133].

Слово «либерал» имеет античное происхождение [см.: Diccionario de Autoridades 1734] и получает распространение благодаря такой добродетели, как широта взглядов. Будучи помещенным в политический контекст, это слово начинает обозначать способ правления, реализуемый с великодушием, умеренностью и осторожностью. По этой причине, например, считает Д. Негро Павон, политическая концепция святого Фомы Аквинского может считаться либеральной, да и вся традиция управления, опирающегося на закон, – от Платона и до различных смешанных форм правления (средневековых и возрожденческих республиканских) – также может быть названа либеральной [см.: Negro Pavón 1995]. Мы, в свою очередь, предпочитаем связывать зарождение понятия «либерализм» с фактом, фиксацией определенного коллективного действия. По нашему мнению, до тех пор пока не произошел переход от идей к личностям, мы вообще не можем говорить о явлении либерализма как политической реальности. Соответственно, опираясь на упрямые исторические свидетельства, мы утверждаем, что либерализм впервые обозначился в Испании во время Войны за независимость, в 1808 г., и его купель – Кадисские кортесы 1812 г.; именно поэтому, как утверждает Д. Негро Павон, «нельзя говорить об испанском либерализме в полной мере до Войны за независимость» [Negro Pavón 1988: 50].

Исторические предпосылки и политические мифы. В Испании начала XIX в. шла полемика между двумя реминисценциями умершей политической формы, известной как средневековая испанская монархия [см.: Diez del Corral 1998: 2049-2495], – между монархическим абсолютизмом и современной конституционной монархией. Две очень различные формы правления, и, очевидно, они не в равной степени подходили для формирующейся испанской нации, что и объясняет те трения, которые происходили на протяжении всего XIX в. Средневековая испанская монархия разлагалась на протяжении уже довольно длительного времени, и ее институты, которые еще пока сохранялись, были уже нерелевантными. «Испания была, – говорит Диес дель Корраль, – монархическим государством, “государством” короля, и когда последний из них исчез, вся политическая организация дезинтегрировалась, а то, что пришло на ее место, оказалось арабским халифатом» [Diez del Corral 1998: 389].

¹ Агустин де Аргуэльес Альварес (1776–1844) – адвокат и дипломат, наиболее выдающийся представитель зарождающегося в Испании либерализма, прозванный на Кадисских кортесах за свои ораторские способности «Божественным»; один из авторов либеральной Конституции 1812 г., ставшей «точкой отсчета» в истории испанского либерализма (примеч. переводчика).

Исторически подлинно испанской формой правления на протяжении более четырех веков была средневековая испанская монархия. Как для современников, так и для тех, кто жил в начале XIX в., эта форма воплощала в себе идеал самоуправления и высшие добродетели идеальной Испании. Отсюда как либералы, так и монархисты использовали ее в качестве образа и даже риторического оборота, с тем чтобы построить собственные политические модели. Например, либерал Франсиско Мартинес Марина¹ выступал, как и множество его коллег, за эту форму правления, явно ее идеализируя: «Кортесы не только создавали основы славы и счастья республики; их политика, осторожность и мудрость содействовали консолидации грандиозного здания, которое возводилось, а также многократной его поддержке во время разрушительных бурь и защите от огромных рисков и опасностей. Величественный национальный конгресс всегда был убежищем и безопасной бухтой, в которой пришвартовывался корабль Кастилии» [Martínez Marina 1957: 187]. То же самое говорит и либерал Альваро Флорес Эстрада²: несмотря на притеснения, которые испытывала Испания со времен кастильского восстания коммунерос, когда были убиты древние свободы и все их героические защитники, в теории никогда не шла речь о том, что король должен подчиняться законам; что его власть проистекает из них; что Кортесы были единственным законодательным органом, а не монарх [см.: Flórez Estrada 1969]. В любом случае, определенно, что средневековая испанская монархия существовала в XIX в. как политический миф, как на тот момент довольно распространенная идея, используемая одними – для ослабления абсолютизма, а другими – для защиты суверенитета монарха против суверенитета нации.

История средневековой испанской монархии длится от Фердинанда II Католика до несчастного Фердинанда VII. Речь идет о политической форме, весьма отличной от остальных европейских монархий. Французская монархия, например, сводилась к одному королевству, которое постепенно интегрировало в себя новые территории, после этого власть над ними передавалась феодальным сеньорам; в Испании же существовал плюрализм королевств, «которые могли сближаться благодаря личным союзам под одним регентом, не интегрируясь или реинтегрируясь в одну корону» [Diez del Corral 1998: 2056]. Французское *royaume* было результатом расширения первоначальной территории посредством инкорпорации других территорий, в то время как средневековая испанская монархия никогда не собиралась унифицировать территорию в одно единственное королевство. Как пишет либерал первой половины XX в.

¹ Франсиско Хавьер Мартинес Марина (1754–1833) – выдающийся испанский юрист и историк права. Более всего прославился своими работами по истории и теории испанского парламентаризма, которые легли в основу политической практики «модератос» (умеренных либералов); считается «отцом-основателем» истории испанского права как науки (примеч. переводчика).

² Альваро Флорес Эстрада (1765–1853) – испанский экономист и адвокат, лево-радикальный либерал (прогрессист). Принимал активное участие в революционных преобразованиях времен «либерального трехлетия» (1820–1823), поддерживал идеи дезамортизации церковных земель (примеч. переводчика).

Сальвадор де Мадарьяга¹, «король Испании правил не одним, а несколькими королевствами, каждое из которых имело свою администрацию, свои Кортесы, свои законы и свои фуэрос» [Madariaga 1979: 38].

Задачи Католических королей – Фердинанда II Арагонского и Изабеллы I Кастильской – были широко реформаторскими и даже инновационными, о чем можно говорить без смущения; как подметил Никколо Макиавелли, они были «новыми государями», основоположниками порядка и оригинальной политической формы, характерной для эпохи Возрождения. Ничто, писал флорентиец, не может внушить к государю такого почтения, как военные предприятия и необычайные поступки. Из нынешних правителей Фердинанда Арагонского, короля Испании, можно было бы назвать новым государем, ибо, слабый вначале, он сделался по славе и блеску первым королем христианского мира; и все его действия исполнены величия. В XV в. Кастилия начала погружаться в анархию и страдать от тирании мелких сеньоров, скрывающихся за стенами своих крепостей. В этот момент фактически отсутствовало представление об общем благе, а идея единства просто исчезла. Именно поэтому миротворческая и конструктивная деятельность Католических королей была столь значима, тем более что она привела к очень оригинальному политическому единству.

По мнению традиционалиста Марселино Менендеса-и-Пелайо², Фердинанд II и Изабелла I скрепили историческую конституцию Испании и, как он выразился в знаменитом пассаже, который достоин быть процитирован *in extenso*, с энергией великих политических деятелей решили целую серию стоящих перед ними задач: «Реформа феодальных кормлений и пожалований – подлинное завоевание королевской четы, столь неловко отвергнутое Генрихом IV; включение военных орденов в состав короны, благодаря чему стало невозможно существование государства в государстве; запрет на возведение новых крепостей и уничтожение многих древних, со стенами которых навсегда разрушилась и сеньориальная тирания; централизация власти посредством Советов; новые возможности для трибуналов, сделавших исполнение правосудия более быстрым и оперативным; растущее с каждым днем господство законников; нивелирование аристократии как политического элемента, но не как социальной силы; попытки кодификации законов, осуществленные доктором Монтальво и Лоренсо Галиндесом, пусть преждевременные, но не бесполезные; прямое и эффективное вмешательство короны в муниципальный режим, глубоко разрушенный анархией предыдущего века; новая экономическая система, развивающаяся в бесчисленных прагматиках,

---

¹ Сальвадор де Мадарьяга-и-Рохо (1886–1978) – выдающийся испанский философ XX в., историк, писатель-эссеист и литературный критик; по своим идеям, взглядам и ценностям прославился как либерал-европеист, ревностный борец с диктатурой генерала Ф. Франко и антикоммунист (примеч. переводчика).

² Марселино Менендес-и-Пелайо (1856–1912) – выдающийся испанский филолог, литературный критик и историк-неокатолик, известный в Испании как «изобретатель Традиции»; номинировался на Нобелевскую премию по литературе; один из основоположников современного испанского эстетского традиционализма (примеч. переводчика).

которые, хотя и страдали чрезмерными запретами, поскольку тогда этого требовали нужды национального производства, вполне заслуживают похвалы в том, что касается унификации монет, мер и весов, развития морской индустрии, внутренней торговли и скотоводства; превращение средневековых военных группировок в современную армию с ее непобедимым нервом знаменитых терсиос, которые в течение последующих полутора столетий господствовали в Европе; и много еще чего разнообразного, жестокое очищение расы посредством таких жестких инструментов, как инквизиция и эдикт 1942 г.; тюремная реформа, весьма вовремя и настойчиво осуществленная, спасла нас от религиозной революции XVI века ... Все это различные аспекты одного и того же политического мышления, единство и величие которого видны всем, кто, будучи свободен от нынешних страстей, смотрит на спектакль истории объективно» [Menéndez Pelayo 2007: 94–95].

Не менее важной была и концепция внешней политики, поскольку территория Испании расширялась с невиданной доселе скоростью, создавая предпосылки для того, чтобы последователи Католических королей могли начинать свои политические авантюры с совершенно иных стартовых позиций; вследствие этого средневековая испанская монархия начала разрушаться сразу же, как только за морем начались войны за независимость и появились первые либеральные течения.

Первые идеологические проявления либерализма. Либерализм в Испании сформировался в хаотической обстановке Кадисских кортесов, и его диалектическая конфигурация складывалась по мере того, как он вступал в отношения со своими политическими оппонентами; при этом он никогда не упускал из виду образ средневековой испанской монархии и всегда держался подальше от якобинства.

Принадлежность к либерализму определялась в Испании через ориентацию на совершенно различные течения мысли: на английское Просвещение, французский индивидуализм или кастильскую традицию. В протоколах заседаний мы можем найти ссылки на Альфонсо X Мудрого, Франсиско Суареса, святого Фому Аквинского, Джона Локка, Иеремию Бентама или Шарля-Луи Монтескье; при этом речь идет о таких исторических формах, как Римская республика, кастильские коммунары, Англия и США, и очень мало, что нормально в плане дистанцирования, о французской революции и якобинстве [см.: Fernández Sebastián 2006: 147]. Кроме того, имеют место (а отсюда и важность средневековой испанской монархии как активного мифа) постоянные ссылки на наши древние институты и историю Испании. Например, либерал середины XIX в. Андрес Боррего¹, делая обзор первого этапа в развитии либерализма, говорит следующее: «Либеральный принцип, принцип реформаторский, происходит... из нашей собственной истории; его

¹ Андрес Боррего Морено (1802–1891) – выдающийся испанский политический журналист, стоявший у истоков парламентской коалиции «Либеральный союз» (вторая половина 1850-х – первая половина 1860-х гг.); на протяжении большей части своей карьеры последовательно занимал центристские позиции между леворадикальными (прогрессистами) и умеренными («модератос») либералами; в рамках последних по своим идеям, взглядам и ценностям был близок к левой фракции «пуриганос» (примеч. переводчика).

колыбель – наша земля, инстинкты народа, и мы никогда, как говорят некоторые, не имели чрезмерной склонности заимствовать инновации, реализованные другими нациями» [Vorrego 1970: 54]. Занимаясь «самокритикой» и наблюдая за завершение первого этапа в развитии либерализма, Боррего продолжает: «В 1812 году либеральный дух стремился внести инновации в ту общественную среду, которая контролировалась привилегированными классами, была поражена интолерантностью и скреплялась монархическим духом, а они в свою очередь создавали проблемы либералам, подпитывали гнев народного идола (короля Фердинанда VII. – А.С.Д.) и подвергали серьезнейшим испытаниям их веру в регенерацию родины» [Vorrego 1970: 104].

Боррего критикует либерализм «досеанистов» («либералов 1812 года») за то, что они, осуществляя «инновации», игнорировали факты настоящего и прошлого, в то время как внимание к историческим формам было крайне важно. На первых этапах своего развития либерализм был не неким нормативом, придуманным «философами», а всего лишь неловкой попыткой адаптировать, реформировать или революционизировать пустоту власти, возникшую в результате народного восстания; и он никоим образом не мог быть связан с Наполеоном – врагом целого народа, отвергаемым всеми. Поэтому и было необходимо, по крайней мере в теории, отгородиться от сторонников Наполеона, а это было возможно лишь в том случае, если бы либералы обратились к подлинно испанскому историческому прошлому. «Наполеон является узурпатором наших законных прав», – сказал конституционалист Диего Муньос Торреро¹ на сессии Кортесов 29 октября 1811 г., и большинство депутатов было согласно с ним; их объединяла ненависть к узурпатору, они отвергали необходимость иностранного вмешательства в дела нашего правительства и отказывались присягать на Байонской конституции незаконному королю. «Я хотел, – писал Мануэль Хосе Кинтана² в своих “Мемуарах”, – чтобы на моей родине были проведены реформы, чтобы она вышла из своего постыдного состояния, в котором находилась, но не в таких понятиях, как это произошло во Франции ... я не хотел бы, чтобы вся нация встала на колени и поклонилась в ноги Визирю» [Quintana 1972: 45]. Однако интерпретации прошлого, средневековой испанской монархии и испанских институтов были столь же разнообразны, как и интересы политиков, вследствие чего история в конце концов превратилась в идеологию, а традиция – в нереальность. В итоге мы можем сказать, что либерализм «досеанистов» грешил идеализмом и остался маргинальным явлением в идеологической борьбе, так и не укоренившись в политической реальности.

«*Либеральная мечта*». Наступивший XIX в. разбудил историческое сознание [см.: Diez del Corral 1956]. Человек XIX в. понимает, что история –

¹ Диего Муньос Торреро-и-Рамирес Мойано (1761–1829) – испанский богослов и философ, выдающийся испанский либерал, внесший значительный вклад в написание Конституции 1812 г., прославился статьей об отмене инквизиции, был ревностным защитником свободы печати (примеч. переводчика).

² Мануэль Хосе Кинтана-и-Лоренсо (1772–1857) – выдающийся испанский поэт-романтик, либеральный журналист, возглавивший патриотическое направление во времена Войны за независимость (примеч. переводчика).

это нечто, что можно «сотворить» и продумать. Это уже не просто великая книга, которую можно прочитать и выучить, это еще и множество белых листов, на которых можно что-то написать. Романтическая тема мыслится и внутри, и вне истории, ее финал еще не предreshен, и кто-то задается вопросами: «Что бы я хотел сделать с этим миром? Какую форму я хотел бы ему придать?». Романтизм, как пишет Карл Шмитт, – это «рождение креативной силы, энтузиазм человека-творца, и благодаря каждый раз новым возможностям зарождается всегда новый мир, но он всегда случаен – мир без субстанции с функциональными ограничениями, без жестких условий, без заключения и без дефиниции, без последней инстанции, мир, который бесконечно следует своим курсом, ведомый лишь волшебной рукой случая, *the magic hand of chance*» [Schmitt 2005: 59–60].

Романтизм был присущ и испанской политике, конкретно – после Войны за независимость, когда некоторые государственные деятели начали задумываться: «А что будет дальше? Какова будет форма, которая должна быть создана, чтобы она смогла существовать в будущем?» [Quintana 1972: 301] Имеется желание реформировать, но не хочется быть якобинцем, и никто не знает точно, что еще можно сказать нового, оттого и идеализируется испанское прошлое. При этом думали, конечно же, что для реформ наступил благоприятный исторический момент и что (здесь явное преувеличение в духе историцизма) плод созрел и должен быть сорван. «Либерализм – это результат всей древней и современной истории», – говорил А. Листа [цит. по: Fernández Sebastián 2006: 130]. История неуклонно двигалась по пути прогресса и, в соответствии с постулатами наиболее радикальных просветительских течений, пришла к своему предназначению в эпоху абсолютизма и Просвещения. Идея Листы в этом смысле вполне ясна: «Нет иного инструмента, чтобы замолчать крик разума, кроме как инквизиция и деспотизм» [El Sensor, periódico político y literario 1822: 161–162]. Испания же, по господствующему в среде либералов мнению, начала приближаться к эпохе Просвещения. Говорилось об иге невежества, которое притесняло народ, и о новой свободе разума. Кинтана в 1813 г. сказал, что «только в настоящее время стало возможным приобщиться к этому великому труду (общественному образованию. – А.С.Д.) с надеждой на успех ... особый разум просвещенных индивидов преодолеет сопротивление устаревших авторитетов» [Quintana 1861: 176].

Складывание «либеральной мечты» началось одновременно с Войной за независимость. Согласно Л. Диесу дель Корралю, война «оставила нацию беспомощной, без политического руководства, повсеместно жестоко израненную, с разрушенной государственной структурой, подготовив тем самым почву для восприятия новых идей» [Diez del Corral 1956: 378]. Муньос Торреро риторически вопрошает: «Что мы сделали в памятном декрете от 24 сентября? Мы объявили Байонские декреты нелегальными и не имеющими силы. А почему? Потому что акт их принятия был совершен без согласия нации» [Antología de las Cortes de Cádiz 1909: 359]. Испанский народ взялся спонтанно за оружие против власти узурпатора и осознал себя как политическую реальность, оформившись тем самым в нацию. Нет сомнения в том, что Война за независимость разбудила сильное национальное

чувство, и это придало огромную силу и оригинальность либерализму на первом этапе его развития. Силу, потому что он происходил от чувств народа, а не от просвещенной или монархически ориентированной элиты, и оригинальность, потому что речь шла о либерализме, который не выступал против монархии, он родился от нации, «захватившей» суверенитет.

Проблема, которая проявилась уже в первые годы, заключалась в том, что испанский либерализм очень отличался от французского или английского, потому что в Испании именно монархия вырвала суверенитет у нации, а не наоборот. «Речь, – пишет Д. Negro Павон, – шла о том, чтобы реставрировать, если уж не практиковать, весьма древнюю доктрину, адаптировав ее к настоящему времени, но на рациональный манер, изображая общество и государство согласными в желаниях и мечтах» [Negro Pavón 1988: 54].

Как и другим течениям европейского политического романтизма, испанскому романтизму не был чужд чрезмерный просветительский оптимизм, но, к сожалению, он утратил ту конкретность, которую предполагает история, и превратил просвещение в слишком идеалистическую идею, чтобы можно было реализовать ее на практике. «Либеральная мечта» лелеялась шесть лет, с 1808 по 1814 г., и завершилась возвращением иногю просвещения вместе с реставрацией абсолютной монархии Фердинанда VII.

Проблема суверенитета. В Кадисской конституции довольно четко выражается либеральная позиция по вопросу о суверенитете, и делается это следующим образом: «Суверенитет покоится в самой сути нации, и ей по этой причине принадлежит исключительное право устанавливать свои фундаментальные законы» (ст. 3). Благодаря этой формулировке Испания полностью переходит на современные политические понятия, понимая суверенитет как предметность, а не как атрибут [см.: Jouvenel 2000].

История политических идей свидетельствует, что в Средние века суверенным был верховный правитель, «*suzerain*», «*superanum*», который стоял выше всех остальных. Идея суверенности связывалась, соответственно, с определенной личностью, которая выполняла политическую функцию управления и имела наивысший статус в плане исполнения закона: это был суверенный король, суверенная власть, то есть слово «суверенный» определяло признак, будучи прилагательным. Когда в Новое время начали говорить о «суверенитете», то уже имели в виду, что это больше не некое свойство, приписываемое некоему имени, а сама сущность. Говорилось уже не о качестве личности, а о власти как таковой, власти устанавливать законы, как говорил Жан Боден, о «законодательном суверенитете» [см.: Verma 1983], который, как известно, станет главным атрибутом государства в «Левиафане» Томаса Гоббса. Суверен уже не был судьей, пытающимся заставить уважать закон, он был личностью, наделенной особой властью – «суверенитетом», чтобы устанавливать законы.

В истории фактов, а не идей, данный концепт суверенитета был чужд средневековой испанской монархии, которая больше занималась тем, что заставляла уважать законы (фуэросы) поселений. Испанские Габсбурги относились к подобной исторической реальности очень трепетно, старались сохранить ее более или менее нетронутой и испытывали серьезные

угрызения совести, когда навязывали свои прагматики; хотя известно, что больше они это делали в Арагоне, чем в Кастилии. Резюмируя, можно сказать, ссылаясь на Д. Негро Павона, что «монархия уважала традиционное законодательство, хотя и не препятствовала при этом забвению законов, которые не соответствовали моменту» [Negro Pavón 1988: 22]. То же самое в начале XIX в. чувствовали и многие либералы, почти в обязательном порядке ссылающиеся в своих речах на эти законы и использующие их в качестве риторического приема для защиты противоположных постулатов. Например, Аргуэльес говорил, что «Конституционная комиссия должна лишь повторить то, что говорит “Фуэро Хузго” (далее ФХ. – А.С.Д.) о правах нации, короля и граждан, о взаимных обязательствах всех по защите законов, о способах их написания и исполнения и т.д.» [Argüelles A de. 1981: 71]; при этом ФХ – это совершенно противоположная либерализму испанская традиция. Говоря о ФХ как о «древней Конституции Испании», законах Арагона, Наварры и Кастилии, Аргуэльес, подобно многим его либеральным единомышленникам, пытался найти аргументы в пользу свободы и независимости нации, а также (почему бы и нет?), и определенной формы монархии – более близкой к современному конституционализму, чем к старой, средневековой форме.

Граф де Торено, также склонный к либерализму, обращается к «испанской традиции», выступая против реставрации абсолютной монархии и в пользу развития новых политических тенденций, полагая, что основа для создания новой политической формы, адекватной новому положению вещей, находится в нашей истории. Он намеренно вспоминает «знаменитую максиму готов “Rex eris si recta facias; si non facias, non eris”¹, увидев в ней основы наших первых свобод» [Queipo de Llano Ruiz de Saravía J.M., VII conde de Toreno. 1907: 286]. Либералы-«досеанисты» как политическая партия были сторонниками умеренного правления и верховенства закона, противниками божественного права королей и в большинстве своем отвергали политический якобизм; при этом для них было предпочтительнее апеллировать к исчезнувшей форме правления испанских Габсбургов и – еще лучше – Католических королей, чем испанских Бурбонов.

Причина враждебности либералов к испанским Бурбонам была связана, как утверждали, с тем, что эта династия ввела такие формы правления, которые были весьма далеки от испанской традиции. Вопреки партикуляризму предшествующих веков Бурбоны проводили политику решительной гармонизации и централизации. С одной стороны, эта их деятельность благоприятствовала экономическому развитию и материальному процветанию нации, с другой – их правление противоречило идеалу самоуправления и притесняло местные свободы, что в непосредственном плане выливалось в отмену политических свобод и вело к установлению просвещенного деспотизма, с чем были согласны далеко не все либералы.

Бурбоны привили Испании очень ясное понимание идеи суверенитета, уничтожив естественные ограничения власти, признаваемые предыдущими

¹ «Ты будешь королем, если будешь поступать правильно, а если нет, то и не будешь» (примеч. переводчика).

династиями. Так, первый испанский Бурбон, Филипп V, уже в самом начале своего правления четко определил, что «одним из атрибутов суверенитета является установление и отмена законов»; при этом Кортесы в расчет не принимались, вследствие чего они и стали исчезать в Арагоне, а в Кастилии превратились в общенациональные. Кортесы собирались четыре раза в правление Филиппа V и по одному разу – при Карле III и Карле IV. В результате монархия достигла «*plenitudo potestatis*», полноты власти, что свойственно государству Левиафана, собственно суверенному государству. «Высшая власть человека, – говорит Negro Павон, – это власть законодателя, и именно ее присвоили себе Бурбоны абсолютно» [Negro Pavón 1988: 33].

Благодаря Бурбонам суверенитет как явление, как королевская власть создавать законы без формальных ограничений превратился в историческую реальность, и с тех пор любые разговоры о политике уже не могли обойти этот вопрос стороной. Соответственно принципиально поменялись и правила политической игры, теперь уже началась битва за высшую суверенную власть. Новая форма, которую приняла эта власть, оказалась, по классификации умеренного либерала Алексиса де Токвиля, различавшего политическую и административную формы централизации, административной, как во Франции (в Англии она была политической), что непосредственно касалось и политических свобод. Администрация, как известно, целенаправленно занимается каждым маленьким поступком человека, конкретно определяя его поведение посредством множества административных регламентов, что, по мнению де Токвиля, ограничивает волю личности, ежемоментно направляемой и контролируемой. Административная централизация – это новая форма деспотизма, и именно она была введена и адаптирована в Испании Бурбонами. Политики и реформаторы той эпохи столкнулись с данным феноменом непосредственно и должны были с этим что-то делать, так как образовался глубокий раскол между правительством и обществом; администрация же монополизировала политическую свободу, оставив общество в маргинальном состоянии.

В результате на Кадисских кортесах нередко случалась путаница из-за проблем с различением двух монархических традиций: средневековой испанской и бурбонской абсолютистской. Так, Гаспар Мельчор де Ховельянос¹ утверждает, что «это политическая ересь – говорить, что нация, конституция которой является полностью монархической, суверенна, или приписывать ей функции суверена; и поскольку суверенитет по природе своей неделим, получается, что ни суверен не может быть лишен какой-либо части суверенитета в пользу другого, ни нация» [Resolución de la Junta Central... 1809]. Эта путаница, или «ересь», объясняет, почему, когда и те и другие говорят о монархии, чтобы критиковать ее или защищать, очень сложно бывает точно понять, какую из них они имеют в виду и какую модель они предлагают. Но в любом случае, пусть монархия Бурбонов и оказалась для испанской нации более чуждой, она являлась одновременно и более реальной, поскольку

¹ Гаспар Мельчор де Ховельянос-и-Рамирес (1744–1811) – один из основоположников испанского Просвещения, представитель патриотического направления в раннем испанском либерализме (примеч. переводчика).

была ближе во времени. Поэтому и предлагать реставрацию «*avant la lettre*» средневековой испанской монархии, когда кастильские Кортесы уже давно были бездействующими, было тем же самым (или даже более вредным) делом, что и сохранять пороки бурбонского централизма. Политики должны исходить из реалий, а идеологические абстракции порождают лишь зло в силу своей неспособности быть применимыми к конкретным фактам и текущим проблемам. Вероятно, это было одним из главных недостатков либеральных идеалов.

Бурбоны принесли суверенитет в Испанию как «власть», и начиная с этих пор великой национальной проблемой стала принадлежность суверенитета, трактуемого как «*plenitudo potestatis*». Либералы спорили, полагая суверенитет принадлежностью нации, монархисты стремились сохранить его в руках Бурбонов, однако и те, и другие, за редким исключением, считали принципы современного государства приемлемыми.

Умеренное правительство и конституционная монархия. Изначальная оппозиция либералов монархическому абсолютизму была, вероятно, одним из наиболее определяющих и интересных аспектов этого движения, а его провал следует отнести к числу наиболее плачевных реальностей в новой испанской истории.

Ключевой вопрос новой испанской истории – обезглавливание незавершенного современного государства; несмотря на то что становление Испании – одна из первых политических реальностей Нового времени, ее государство всегда было слабым и расплывчатым. Война за независимость выявила подобную хрупкость, поскольку, в отличие от соседей, непосредственным результатом войны для которых стало усиление государственной власти, в Испании война происходила спонтанно и, как говорит Диес дель Корраль, «привела в конечном итоге к крайне тяжелому распаду политического единства» [Diez del Corral 1956: 388]. Нация не восстала, как говорили тогда, против незаконного узурпатора, она свергла законного короля. Не нужно забывать, что предыдущий монарх – Карл IV – уступил свою корону сам, и в руках Жозефа Бонапарта она оказалась в результате последующих, уже законных, передач.

Однако в итоге получилось так, что испанская нация восстала против монархического принципа, который не имеет ничего общего с традицией средневековой испанской монархии и является сущностью современного государства. Этот конфликт осмысливался на протяжении всего XIX в. испанскими либералами, которые защищали одновременно испанские республиканскую и конституционно-монархическую традиции; при этом дополнительная сложность заключалась в том, что государство в Испании должно было как-то существовать без своего главы.

Между тем все либералы-«досеанисты» в той или иной степени выступили против реставрации абсолютизма, и, хотя впоследствии в силу обстоятельств они не воспрепятствовали возвращению монарха, сумели разработать дискурс в пользу умеренной монархии. Образцом при этом стали английская и французская монархии, только идеалисты позволяли себе сохранять древние институты средневековой испанской монархии, которые в начале XIX в. были уже во многом разрушены.

«Досеанисты» должны были что-то делать с институциональной пустотой, образовавшейся после пленения короля, и одновременно как-то реформировать испанскую конституционную систему. Для этого они должны были добиться невозможного равновесия: вернуть короля и обратить его в свою либеральную «веру». Аргументы же в пользу суверенитета нации и ограниченного правительства привели испанский либерализм к расцвету. Муньос Торреро, например, говорил, что «нация имеет право устанавливать свои основные законы, и начиная с самых древних времен существования умеренной монархии депутат не может голосовать против воли нации, проявившейся в настоящие времена весьма отчетливо и публично» [Diario de las discusiones y actas de las Cortes 1811: 86]. При этом под понятием «умеренная монархия» он подразумевал, скорее, модель будущего, нежели прошлого, поскольку «умеренная» означает современное равновесие властей, чуждое нашей традиции. Тот же самый оборот присутствует и у Аргуэльеса; его можно видеть почти всегда в диалектике традиции и модерна, которая сложилась на Кадисских кортесах, и именно это позволяет нам называть первую волну либерализма идеальной, тем более что она так и не обрела своих исторических оснований. Аргуэльес, например, указывает: «... (в ФХ – А.С.Д.) утверждается, что корона является избираемой; что никто не может претендовать на королевство, не будучи избранным; что король должен быть назван епископами, магнатами и народом...» – и из этого выводит следующее: «Кто ввиду столь значимых, четких и понятных указаний может осмелиться не признавать в качестве неотъемлемого принципа, что суверенная власть порождается и опирается прежде всего на нацию?» [Argüelles A de. 1981: 71]. Смещение типично современного и рационального суверенитета нации со средневековой испанской монархией, с которой первый имел мало общего, было довольно частым и в определенном смысле даже желательным. Речь шла не о том (по крайней мере, со стороны либералов), чтобы восстановить древнюю монархию, а о том, чтобы найти действенные аргументы в пользу построения конституционной монархии, более или менее адаптированной к испанской реальности. Граф де Торено, для которого было понятно, что речь идет о чем-то новом, выразил эту идею следующим образом: «С одной стороны, («досеанисты». – А.С.Д.) упорно защищали независимость нации, а с другой – начали воздвигать некогда разрушенные, свободные и древние, институты» [Queiro de Llano Ruiz de Saravía J.M., VII conde de Toreno. 1907: 286].

В условиях фактического отсутствия монархии, которая была, как сказал Хуан Доносо Кортес¹, больше воспоминанием, чем реальностью, речь пошла о том, чтобы восстановить древнюю доктрину, адаптировав ее к текущему моменту, и перемешать с учением классиков рационализма, их довольно радикальными желаниями и иллюзиями. Кадисские кортесы хотели создать ограниченное правительство на идеальных основах, копируя Англию, историческая реальность которой была весьма отлична от нашей,

¹ Хуан Франсиско Мария де ла Салуд Доносо Кортес-и-Фернандес Канедо, I маркиз де Вальдегамас (1809–1853) – выдающийся испанский политический журналист и дипломат, философ и богослов, перешедший к концу жизни с позиций крайне умеренного либерализма на позиции радикального традиционализма, теоретик диктатуры.

и Францию, которая также пошла не по нашему пути, поскольку реформы государства привели к власти Наполеона.

Жесткий рационализм сторонника теории «общественного договора» Рамона де Саласа¹ отражает именно эту нереалистичность испанской политики: «Когда люди объединяются в общество и принимают Конституцию, они начинают обладать всеми правами, и, соответственно, никто не может лишить их закрепленных привилегий или предоставить новые» [Salas R. de. 1982: 37]. Столь радикальная трактовка теории «общественного договора» была на тот момент, к сожалению, очень распространенной, вследствие чего умеренные ее варианты, действительно способные реализовать реформу существующих политических институтов, либо утратили силу, либо, как это было в случае с преждевременной смертью Ховельяноса, просто не были артикулированы до конца. Между тем практическая цель либерализма, отошедшего от традиции, истории и политической теории, была сформулирована довольно четко: «Вся Европа уже или очень скоро окажется под действием конституционных законов» [El Censor, periódico político y literario 1822: 45]. Желаемой формой правления становится современный конституционализм, то есть конституционная монархия.

Исторический парадокс: в то время как во Франции идеологи монархической реставрации выступили против либерализма (Хартия 1814 г.), в Испании реставрировали монархию именно либералы. Очевидно, что абсолютизм не входил в их планы (в его пользу выступали лишь те политики, которые так и не смогли преодолеть свою инерцию), они хотели построить явно умеренную монархию по континентальной модели.

В итоге на Кадисских кортесах заявляет о себе собственно либерализм, и мы без преувеличения можем говорить о том, что этот первый политический порыв страдал наивностью (впрочем, задним умом сильны все), поскольку речь шла о том, чтобы создать никогда не существовавшую монархию и привить королю-абсолютисту либеральные принципы. Несмотря на то что этот либерализм выступал против царедворцев, но за средневековую испанскую монархию, на деле все перемешалось так сильно, что в результате осуществить желаемое, даже рационально обоснованное «теорией общественного договора», оказалось просто невозможно. Подходя же к делу ретроспективно, мы понимаем, что формой правления, о которой постоянно говорили либералы, была конституционная монархия; однако для ее реализации было необходимо дожидаться принятия Королевского статута 1834 г., и только тогда эта форма стала фактом. Именно 1834 г. открывает новый этап в истории испанского либерализма.

Конституционный либерализм (1834–1874). Второй этап развития либерализма начинается в Испании с принятием Королевского статута и завершается в эпоху Реставрации.

Изменение парадигмы. Испанский либерализм имеет собственные корни и является частью очень специфической национальной истории, однако

¹ Рамон де Салас-и-Кортес (1753–1837) – испанский юрист, основоположник испанской политэкономии, подвергавшийся в 1892–1893 гг. гонениям со стороны инквизиции (примеч. переводчика).

мы не можем отрицать и сильнейшее иностранное влияние, прежде всего со стороны Англии и Франции. Умеренные либералы смогли увидеть, что в Испании королевская власть была фактической, в то время как призывы к суверенитету нации, с одной стороны, и реставрация органической политики – с другой, были далеки от реальности. Они понимали, что испанская нация имеет одного главу и что абсолютизм в Испании уничтожил древние институты, превратив Кортесы в крайне сложно восстанавливаемый политический институт, притом что абсолютизм так и не смог уничтожить до конца различие между *«rex»* и *«regnum»*. Стоило попытаться, и в этом Ховельянос оказался прав, восстановить Кортесы, что фактически означало воссоздать их заново, однако было бы утопией стремиться к тому, чтобы «освободить их от ига тирании», с тем чтобы они начали функционировать сами по себе.

В этом контексте, когда нация осознала и поверила в себя, а государство было обезглавлено, либералы испытали серьезное влияние со стороны французского доктринерства и соответствующей политики французских умеренных либералов. Отдельный вопрос касался того, как ввести систему конституционной монархии в Испании, где никогда не было «монархического принципа», но была средневековая испанская монархия. Современный конституционализм был адаптацией свобод Старого порядка к новым модернистским идеям, но отвергал при этом сильное государство и чрезмерную административную концентрацию, что удалось реализовать во Франции, но не в Испании.

«*Монархический принцип*». Исторические предшественники французской монархии отличались от испанской; поэтому перенос французской модели на испанскую почву требовал не только решительных мер, но и политического гения, которого, к сожалению, в нашей стране не нашлось. Фактически со времен Старого порядка во Франции сохранилась очень централизованная политико-административная система, завязанная на фигуру короля. Как пишет Диес дель Корраль, «абсолютизм объединил все власти в личности короля, растворив их в институциональной фигуре Короны, и, хотя после революции хотели учредить умеренную монархию, начали с того, что весьма определенно и формально установили монархический принцип» [Diez del Corral 1956: 193]. Древние *«parlements»*, средневековые магистратуры и законы уступили власть королю, и была построена политическая система, которая возводилась вокруг центральной власти.

Во Франции после революции и периода империи возникла проблема: какая политическая форма должна наследовать абсолютизму? Более конкретно вопрос заключался в том, как парламент может контролировать правительство, что на практике означало перераспределение королевских прерогатив, имевшее множество интерпретаций. Господствующее мнение, выраженное Бенжаменом Констаном в его «Рассуждениях о конституции и распределении властей», сводилось к тому, чтобы разделить исполнительную власть, то есть отделить короля от министерств. О короле на тот момент говорилось лишь как о властном модераторе, далеком от текущей политической борьбы и не связанном общественным мнением, благодаря чему во время реставрации он стал одним из ведущих акторов.

Французская конституционная монархия артикулировалась прежде всего на разделении властей, согласно знаменитой формуле Монтескье, и на передаче ведущей роли от исполнительной власти, очень активной во времена абсолютизма, законодательной, что было для современного конституционализма нововведением. Абсолютизм отменил корпоративный принцип, предоставив монархии все полномочия по составлению законов, существенно ослабив средневековый парламент и политический мандат как таковой. Политическая форма Франции была наследницей абсолютизма и наполеоновского цезаризма. Конституционные реформы центрировались на разделении властей, а в рамках исполнительной власти – на дистанцировании короля от его министров.

Королевская власть была модератором и сохраняла королевскую прерогативу, что на практике означало, что она имеет огромное влияние на составление законов, назначение министров и состав палат парламента. Это была попытка ограничить абсолютизм, однако консолидировать монархический принцип. Министры составляли собственно исполнительную власть, но контролировались королем и парламентом, и только нестабильность и отсутствие равновесия властей привели систему к краху уже в 1830 г.

Законодательная власть во французской модели была четко рационализирована и, можно сказать, механизирована, однако в отношении исполнительной этого утверждать нельзя, в чем и заключалась проблема. Речь шла о том, чтобы фрагментировать и сделать более умеренными еще живые абсолютистскую и цезаристскую традиции, ограничив, насколько это возможно, королевскую власть посредством передачи ее министрам, также контролируемым, по крайней мере в идеале, палатами парламента. Тем самым хотели добиться, согласно Диесу дель Корраль, «эффективного отношения между парламентом и монархом» [Diez del Corral 1956: 199], но, когда за королем оставили статус «четвертой власти», законодательная власть потеряла свою репрезентативность, и основы политического режима ослабли.

Реальность была такова, что при наличии умеренной королевской власти и уничтожении абсолютизма государство как единство власти формально уже было учреждено, и речь шла лишь о том, чтобы реорганизовать его в соответствии с конкретными обстоятельствами, возникшими в период революции и империй. Именно в этом и заключается принципиальное различие между французской формой правления, при которой государство было вполне консолидировано, и испанской, в случае которой говорить о собственно зрелом современном государстве было еще нельзя.

Королевский статут (1834). По прошествии времени в Испании либерализм также достигает большей зрелости, «утратив революционные порывы и крайности старого “досеанизма”, чтобы обрести более спокойный тон» [Fernández Sebastián 2006: 168]. Наступило время умеренного – так называемого поппибилистского – либерализма, испытавшего влияние французских либеральных доктринеров [см.: Diez del Corral 1956] и центрированного на защите собственности, основных политических свобод (слова и печати), равновесия властей и цензурованного избирательного права.

Формой, в которую облачилось это новое умеренно-либеральное течение, стал так называемый Королевский статут. Согласно Диесу дель Корралю, «в Королевском статуте концентрировались более или менее развитые идеи, которые составляли характерный набор умеренного либерализма» [Diez del Corral 1956: 407]. Моделью для Статута явилась французская Хартия 1814 г., которая, как сказал Ф.Р. де Шатобриан, учреждала «конституционный катехизис»: общественное мнение, свободы личности, равновесие властей, королевскую прерогативу, двухпалатную структуру парламента и т.д. Статут есть свидетельство о смерти средневековой испанской монархии, которая в Испании уступала дорогу новой форме правления – конституционной монархии, столь необычной изначально для нашей страны.

В Королевском статуте мы не найдем ни французского монархического принципа, ни суверенитета нации, лишь типично испанский дуализм той эпохи, смешение испанских средневековых традиционных принципов и чуждых нам современных тенденций. Наиболее значимая специфика документа заключалась в том, что Кортесы были не органом, производным от королевского суверенитета, а всего лишь народным и историческим институтом, в котором король только присутствовал. Без сомнения, это было связано с тем, что в Испании так и не смог укорениться принцип божественного права короля, поэтому для испанской формы правления не характерны ни монархический принцип, ни абсолютистский суверенитет. Как таковой Статут был нацелен на то, чтобы реабилитировать Кортесы, которые, согласно их сторонникам, не исчезли, а лишь не использовались, и их было необходимо просто адаптировать к новым временам.

В Испании абсолютизм разрушил политические формы Средневековья, и прежде всего Кортесы, но не снял различие между королем и королевством («гех-регно»), в результате чего монархический принцип, согласно которому королевство есть собственность короля, не исчезает. И даже когда происходит падение абсолютизма, этот принцип продолжает сохранять свое латентное присутствие. Умеренный либерализм поставил перед собой амбициозную задачу – вернуть дееспособность мертвого политического организма, избавившись от патологии абсолютизма и восстановив «скелет» Кортесов.

Наиболее значимое различие между Королевским статутотом и Хартией заключалось в том, что во Франции отсутствовала возможность подлинного представительства, поскольку король идентифицировался с нацией, в то время как в Испании, согласно исторической идее нации, король был квалифицированным представителем, но не был представлен в парламенте. Отсюда и игра в испанских Кортесах велась вокруг подлинного представительства различных социальных интересов.

В Королевском статуте устанавливалось, что в Генеральных кортесах должны быть представлены два сословия – «Вельможи королевства» и «Поверенные королевства», которые должны заседать в Верхней палате, как это принято в современных европейских монархиях; Нижняя палата «избиралась нацией», что также соответствует современным тенденциям. Таким образом, в Статуте утверждалась дуалистическая форма, характерная для той эпохи. С одной стороны, отвергались божественное право короля и

«монархический принцип», какими они были в средневековой испанской традиции, с другой – принимались принципы современного конституционализма, существовавшие в других европейских монархиях.

Целью умеренного либерализма было обеспечить органическую связь между нацией и становящимся государством. Классическая формула уже не работала, поскольку основывалась на средневековых различиях между королем и королевством; реальность же была такова, что королевство в этот момент являлось прежде всего народом, а король – государством. Форма правления поменялась, а умеренные либералы старались сделать правительство более эффективным, с тем чтобы совместить историческую нацию с институтами, адекватными своему времени.

«Бесхребетный» либерализм. В Королевском статуте были заявлены практически все принципы умеренного либерализма, однако как Конституция он оказался совершенно недостаточным для того, чтобы стать основой политической жизни страны, что и спровоцировало новый раскол между либералами умеренными и либералами «экзальтированными», то есть леворадикальными. Последние просто вышли из системы Статута, поскольку не приняли наличия в ней принципов Старого порядка, вследствие чего умеренные либералы остались один на один с задачей построения новой формы правления. Монархия же, беспокоясь больше о своих интересах, нежели об интересах нации, вообще отказалась от конкретной доктринальности, сохранив за собой лишь роль модератора.

В результате умеренный либерализм столкнулся с огромными проблемами. Испанское общество оставалось верным монархии, но больше по привычке, чем по убеждению, не сознавая того, что династия уже давно не беспокоится о его интересах. Партия «модераторов» оказалась в неловкой ситуации: она была вынуждена защищать нацию, притом что нация не идентифицировала себя с ней; монархия же была весьма далека от того, чтобы, как это случилось во Франции, принять либеральные принципы. Оказавшись между нацией и монархией, умеренный либерализм выбрал бездействие.

При этом дезамортизация церковных земель¹ лишь воспрепятствовала реализации исторических возможностей умеренного либерализма, рассорив Церковь с либерализмом вообще. И по традиции, и по своему характеру испанская Католическая церковь, как и французская, была регалистской, благодаря чему и наметилась фатальная ассоциация между конкретной формой правления и религией. Умеренный либерализм, для того чтобы добиться в Испании триумфа, остро нуждался в поддержке Католической церкви, критически доминирующей в жизни испанской нации, однако, войдя с Церковью в противостояние, он обрек ее на союз с наиболее радикальными правыми течениями.

Испанское общество – религиозное и монархическое – все больше и больше дистанцировалось от своей правящей элиты. Со времен восшествия на испанский престол Бурбонов социальные элиты начали превращаться

¹ Дезамортизация церковных земель – процесс отчуждения церковных земель, проводимый в Испании в той или иной мере всеми либеральными правительствами на протяжении XIX в. с целью их приватизации и включения в рыночный оборот (примеч. переводчика).

в придворные, теряя свои аристократические добродетели. Поляризация и отдаление элиты от общества были огромными, при этом средний класс, необходимый для успеха умеренного либерализма, практически не существовал. Поскольку аристократия уже давно не занималась управлением, политический контроль был монополизирован королевским двором. И эта ситуация лишь усложнилась в связи с дезамортизацией церковных земель, которая не оправдала возлагаемых на нее надежд и не смогла уменьшить социальные различия, обогатив лишь немногих и лишив Католическую церковь определенных социальных функций, связанных с гармонизацией социальных трений. Почувствовав себя в опасности, Церковь полностью отдалась в руки монархии, которая оплачивала ренту священников; это в долгосрочной перспективе означало для них утрату престижа и превращение в балласт.

Религия и Церковь. Такие либералы, как Мариано Хосе де Ларра¹, становились умеренными благодаря религии, они понимали «необходимость религии для всего общества; необходимость неоспоримую, так как опыт показывает нам, что на протяжении времен не существовало ни одного атеистического народа» [Larra M.J. de. 1836].

Для многих просвещенных либералов религия была основой морального порядка. Во Франции современники либерал Алексис де Токвиль и ультраконсерватор Луи де Бональд рассуждали в одном и том же ключе, не замечая того, что в основе их внимания к религиозному моральному порядку лежит эстетика романтизма. Речь в данном случае идет не об обращении к религии, а о широкой просвещенной рефлексии о добродетельности религии, связанной с обычаями. Как это объясняет швейцарский теолог Х.У. фон Бальтазар, созерцается не «сам Христос, а лишь культурное влияние христианства, “гармония” Церкви (Шатобриан), аутентичность первоначальной традиции, поэтико-мистический характер Средневековья... В полемике и в апологии мы как общее место находим все ту же трансформацию перспективы. Возможно, речь идет о страхе перед откровенным разговором, характерном для эпох куртуазных и буржуазных, поэтому все предпочитают говорить непрямо, посредством мыслительных образов и о традициях, и о божественном; о страхе и предпочтениях, которые быстро превращаются в различного рода увертки, ведут к забвению и перекрывают доступ к главному. При этом речь очень часто идет и о неспособности говорить адекватно, когда вместо того, чтобы следовать принципу *cum studio* или *cum ira*, используют тон патетический или бесстрастный, который вызывает лишь раздражение и отвращение» [Balthasar H.U. von. 2017: 459].

Трансформация перспективы, о которой говорит Бальтазар, стала, конечно же, одной из причин, приведших к изменениям в эпоху романтизма; именно она привела к новому прочтению религии уже в середине XX в. Однако либерализму по-прежнему интересна религия, потому что, по крайней мере в Испании, случилось так, что Католическая церковь приняла по-

¹ Мариано Хосе де Ларра-и-Санчес де Кастро (1809–1837) – выдающийся испанский журналист и эссеист, ревностный леворадикальный либерал (прогрессист); покончил жизнь самоубийством, разочаровавшись в перспективах испанского либерализма (примеч. переводчика).

кровительство, предложенное ей монархией, и согласилась с положениями регализма, превратившись в политического противника тех, кто боролся с абсолютистской монархией. Это стало одним из ключевых моментов, определивших все дальнейшее развитие либерализма в Испании, и прямо препятствовало тому, чтобы умеренный либерализм – религиозный и народный – в испанском обществе укоренился. Именно это и смог увидеть Ларра, который написал, что «либералы и реформаторы давно были бы полными и окончательными триумфаторами, если бы вместо того, чтобы всю дорогу бороться с тиранами от религии, столь необходимой народам, которая является всего лишь инструментом, оседлали бы эту самую религию и повернули бы это оружие своих врагов против них самих» [Larra M.J. de. 1836].

В течение XX в. религия эволюционировала культурно, изменяя свой язык, притом что ее сущность, по крайней мере в католицизме, оставалась прежней. Культурные трансформации, накапливавшиеся в течение всего XVIII в., кульминировали в веке XIX; такие концепты, как «индивид», «общество» и «свобода», повлияли на способы восприятия человека в мире весьма кардинально. Эти процессы, отмечающие полное истощение религии и ее редукцию к морали, а затем и к эстетике, красоте и истине, едва ли были замечены консерваторами XIX в. и не имели никаких политических последствий вплоть до начала XX в. Церковь, конечно же, в своем земном бытии должна была связывать их с социально-политическими изменениями и, как говорится, силой фактов – с дезамортизацией внутри и Великой французской революцией вовне, отсюда и ее явное стремление обрести защиту под покровительством монархии и проклятия «*grosso modo*» в адрес либерализма.

Борьба Католической церкви не была только политической; сосредоточившись слишком крепко на либерализме, утратили свои опоры и умеренные либералы, поэтому они и не использовали исторический шанс построить ту оригинальную форму правления, которая связывала воедино нашу политическую традицию с свершившимися социальными изменениями. Разделение «либерального» и «религиозного» как несовместимых реальностей и переход Церкви под защиту монархии во многом и разрушили проект умеренных либералов.

Подобное отсутствие диалога между религией и либерализмом вызывало сожаление у тех умеренных либералов, которые смогли понять, что единственная возможность осуществить либеральную программу – это наладить между ними взаимопонимание. Боррего, например, утверждал, что «главное – это завершить длительную и непопулярную войну, которую либерализм ведет со священниками; войну, которая уже не имеет смысла ни с одной стороны» [Borrego 1970: 200]. Церковь, полагали некоторые умеренные либералы, должна принять «новые идеи», и прежде всего идею свободы, как ее начали понимать во времена Нового порядка; при этом либералам, согласно их же собственному дискурсу, следовало признать, что свобода совести – это свобода, на которой базируются все остальные свободы, а поэтому и правительству необходимо уважать идеи и верования народа. Диалог между религией и политикой в рамках этих понятий продолжается до сих пор, а II Ватиканский собор и вопрос о религиозной свободе стали его важнейшими вехами.

Собственность и индустрия как фундамент политического режима. Французская аристократия XVIII в. была очень привязана к недвижимой собственности и, в отличие от английской, выступала против того, чтобы смешиваться с новыми промышленниками. В результате во Франции возник социальный раскол между рантье и крупными промышленниками, который предопределил политические категории будущего. Дошло до того, что избирательный ценз во время французской реставрации был связан с рентой на землю, что фактически означало, что промышленники, городские богачи и «вновь пришедшие» не имеют политических свобод. Подобная закрытость спровоцировала всем известные события и совершенно ненужную поляризацию, определившую французский XIX в. и продолжающуюся в этой стране до сих пор.

В Испании данная проблема коснулась умеренных либералов лишь по касательной, так как социальная реальность на большей части национальной территории была совершенно иной: свою роль сыграла специфика исторической эволюции, и прежде всего тот факт, что на полуострове феодализма практически не существовало. Для либералов собственность должна была стать главным элементом политической системы, гарантирующим стабильность и свободу, однако эти гарантии сословного характера, как это было во Франции, не носили; в Испании они, скорее, походили, как утверждали умеренные либералы, на английскую модель. Франсиско Мартинес де ла Роса¹, например, считал «бесполезным делом, если законодатель будет предоставлять определенным классам эксклюзивное превосходство; его главное стремление, наоборот, должно заключаться в том, чтобы успешно комбинировать нынешнее состояние собственности с другими политическими элементами» [Martínez de la Rosa 1960: 31]. Аргумент, выдвигаемый ими, не был связан с защитой придворного общества, а являлся классическим, сформулированным еще Аристотелем в «Политике», когда он спорил с Платоном о важности собственности; он использовался и старшим современником Мартинеса де ла Росы Эдмундом Бёрком: «Характер класса собственников является сущностно умеренным и мирным; эти качества, будучи связанными с заинтересованностью собственника в хорошем государственном администрировании, образуют отличный политический элемент для комбинирования порядка и свободы» [Madariaga S. 1979: 31].

Другой умеренный либерал, Антонио Алькала Гальяно², говорил, что собственность – «это вещь священная. С достаточными основаниями ее можно считать подлинным фундаментом правительств». При этом, испытывая

---

¹ Франсиско де Паула Мартинес де ла Роса Бердехо Гомес-и-Арройо (1787–1862) – испанский поэт, писатель и дипломат, выдающийся представитель испанского умеренного либерализма, один из наиболее значимых лидеров и идеологов партии «модерадос» за всю ее историю, автор конституционного проекта «Королевский статут» (1834–1836 гг.), определившего политико-институциональный дизайн переходного периода Испании от Старого порядка к Новому как либерально-буржуазному (примеч. переводчика).

² Антонио Алькала Гальяно-и-Фернандес де Вильявисенсио (1789–1865) – выдающийся испанский политический журналист и писатель, дипломат, историк и теоретик права, один из выдающихся представителей партии «модерадос» (умеренных либералов), избиравшийся депутатом Кортесов десять раз подряд (примеч. переводчика).

влияние теории «общественного договора», и прежде всего Джона Локка, но дистанцируясь от классической доктрины, он добавлял, что этот тезис не очень соответствует естественному праву, созданному самим обществом, так как рождается благодаря запрету, налагаемому одними, касаться того, что принадлежит другому. Речь также шла о том, что правительство должно гарантировать права индивида, что означало уже принятие политических идей просветителей и индивидуалистов, которые тогда были в моде, и отказ от теорий, отстаиваемых второй схоластикой в Испании.

Хотя английское влияние на испанских умеренных либералов было огромным, монархический принцип, исповедуемый в Англии, казался им слишком слабым. Так, когда правительство начало заниматься защитой частной собственности, можно было утверждать, что основой любой политической формы правления был средний класс, состоящий из мелких и средних собственников. Умеренный либерал Хоакин Франсиско Пачеко¹ говорил, что «инстинктивное и рефлексивное сознание может быть только у того, кого мы называем средним классом», поскольку он не мог найти принципы доброго управления государством у богатых и бедных: первые были слишком далеки от большинства, вторые не испытывали любви к порядку. «Средний класс нашего века, – говорил Пачеко, – является обладателем большей части собственности, разума и упорядоченной силы, при этом он открыт к бедным и постепенно поднимается до уровня богатых ... только он один понимает, выражает и представляет те общие интересы и идеи, которые должны быть реализованы нашими правительствами» [Pacheco 1845: 231-233].

Хайме Бальмес² как консерватор, склонный к некоторым либеральным идеям и очень влиятельный среди умеренных либералов, настаивал на том аргументе, что собственность придает политическому режиму стабильность, потому что класс собственников вполне независим и мало подвержен циклическим колебаниям; собственность же придает уверенность своему обладателю. Больше приверженный классической доктрине и испытывающий меньшее влияние со стороны теории «общественного договора», Бальмес утверждал: «...определенно, что право собственности существует, что она неотчуждаема, священна, признается во все времена и во всех странах, основывается на естественном законе, санкционированном законом божественным, записана во всех человеческих законах и считается наиболее главным интересом индивида и общества ... поэтому важно никогда ее не трогать и избегать даже минимального ущерба» [Balmes 1950: 430]. Основы нового политического порядка были тогда под вопросом, поэтому

¹ Хоакин Франсиско Пачеко-и-Гутьеррес Кальдерон (1808–1865) – выдающийся испанский юрист и теоретик права, писатель, бессменный глава «пуританос», левой фракции партии «модератос» (умеренных либералов), склонной к компромиссным договоренностям с леворадикальными либералами (прогрессистами); занимал несколько министерских постов, в 1847 г. был Председателем Правительства (примеч. переводчика).

² Хайме Лусиано Антонио Бальмес-и-Урпия (1810–1848) – известный испанский политический журналист, теолог и социолог, один из главных представителей испанского традиционализма середины XIX в., провозвестник современного – компромиссного – испанского традиционализма (примеч. переводчика).

собственность для либералов являлась, по меньшей мере в теории, краеугольным камнем нового здания. Эта теория должна была помочь решать и реальные коллизии, известные как «социальный вопрос», и теоретические проблемы социализма, ставшего ответом на рост социальной поляризации.

Представители так называемого «экзальтированного» либерализма полагали, что решение социальной проблемы находится в развитии техники, и жаждали увидеть в материальном прогрессе и развитии науки надежду на избавление от социальных и политических болезней. Например, в 1836 г. Хосе де Эспронседа¹ говорил, что «пар и железные дороги являются провозвестником будущего» [El España! 1836]. Он подчеркивал, что созвучие с такими похожими европейскими тенденциями, о которых говорил еще Б. Констан, как эмансипация класса производителей, «является единственным залогом Свободы» [El España! 1836]. Более умеренные либералы типа Мартинеса де ла Роса считали, что развитие индустрии и техники изменило социальный порядок и поэтому политика должна адаптироваться к нему, используя то добро, которое этот порядок предлагает, и ограничивая возможное зло; он утверждал, что «меркантильный дух склоняется к умеренным правительствам» [Martínez de la Rosa 1960: 42], потому что класс производителей желает прежде всего стабильности, увеличение же богатства благоприятствует росту среднего класса и стабилизации политического режима. Этот аргумент наравне с собственностью является одним из важнейших аргументов эпохи, определяющей расширением собственности, развитием индустрии и ограниченным вмешательством правительства в экономику.

* * *

Заключение. В начале XIX в. в обществе, свободном от груза абсолютизма, испанские либералы постарались создать такую форму правления, которая определялась бы развитием современных свобод и могла адекватно представлять историческую нацию, но потерпели неудачу. Оригинальность испанского либерализма заключалась в том, что он родился в момент, когда народ спонтанно выступил против легитимного правительства, и решил реставрировать монархию Бурбонов. Отсюда и наше, испанское, отличие от других стран, где либералы выступали против короля.

На первом этапе своего развития испанский либерализм как либерализм национального суверенитета был крайне незрелым и не обладал еще достаточным политическим чутьем, необходимым для понимания того исторического момента, который переживала страна. Именно поэтому и стало невозможным соединить уже довольно разрушенную на тот момент испанскую традиционную монархию, политические институты которой практически бездействовали, с социальными изменениями, зарождающейся нацией как политической категорией и новыми конституционными и государственными формами. В то время как дебаты развернулись по абстрактным и теоретическим вопросам,

¹ Хосе Игнасио Хавьер Ориол Энкарнасьон де Эспронседа Дельгадо (1808–1842) – выдающийся испанский поэт, ярчайший представитель испанского романтизма первой половины XIX в., ученик Альберто Листы; представитель леворадикальных либералов (прогрессистов) (примеч. переводчика).

монархия не только не пошла за народом, обретшим свободу, но и, наоборот, преследуя собственные интересы, реставрировала абсолютизм.

На втором этапе, после исторического провала «досеанистов», в 1834 г., в Испанию пришли современные англо-французские конституционные идеи, связанные с установлением умеренно-либерального правительства и разделением властей. Умеренные либералы приняли эти идеи на вооружение и постарались адаптировать их к политическим реалиям Испании, однако отсутствие исторической нации, скрепленной действенными политическими институтами, противоречия между короной и народом и аморфность правящей элиты привели к тому, что попытка консолидировать умеренно-либеральную форму правления завершилась реставрацией абсолютизма и последующей комедией со сменой власти, организованной как бы «нейтральной» монархией.

Либерализм в Испании начинался со спонтанного вооруженного восстания народа, который, добившись успехов, смог осознать самого себя и выступать уже как политический субъект. Однако, пока народ превращался в действующего субъекта, власть была обезглавлена, а политические институты перестали функционировать. Монархия, заняв вакантное место, не только не приступила к организации политических свобод нации, но и сумела нейтрализовать этот феномен, вернувшись по времени существенно назад – к абсолютизму.

В силу ряда причин в принципе нежелательная поляризация между нацией и правительством становилась с каждым разом все больше и больше, вследствие чего постепенно сформировался миф о «двух Испаниях», который в 1936 г. привел к гражданской войне; народ больше не хотел и не мог быть управляем безответственным политическим классом.

Перевод с испанского Ю.В. Василенко¹
Translated from Spanish by Yu.V. Vasilenko²

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Alcalá-Galiano y Villavicencio A. 1955. Orígenes del liberalismo español. T. 84. Madrid : Atlas. 305 p.
- Antología de las Cortes de Cádiz, 1909. Vol. 1. Madrid : Establecimiento Tipográfico Hijos de J.A. García. 1562 p.
- Argüelles A de. 1981. Discurso preliminar a la Constitución de 1812. Madrid : CEC. 132 p.
- Balmes J. 1950. Cataluña. Antología política. T. 1. Madrid : B.A.C. 898 p.
- Balthasar H.U. von. 2017. Gloria. Una estética teológica. Madrid : Encuentro. 616 p.
- Berman H.J. 1983. Law and Revolution. The formation of the Western Legal Tradition. Cambridge : Harvard Univ. Press. 672 p.
- Borrego A. 1970. El 48: Autocrítica del liberalismo. Madrid : Iter. 229 p.
- Diario de las discusiones y actas de las Cortes, 1811. Vol. 8. Cádiz : Imprenta Real. 472 p.
- Diccionario de Autoridades, 1734. T. 4. Madrid : Imprenta de la Real Academia Española, por los herederos de Francisco del Hierro. 699 p.

¹ Перевод с испанского выполнен кандидатом философских наук, доцентом НИУ ВШЭ-Пермь Василенко Юрием Владимировичем. E-mail: yuvasil@yandex.ru

² Translated from Spanish by Candidate of Philosophy, assistant professor of HSE-Perm Yu. V. Vasilenko. E-mail: yuvasil@yandex.ru

- Diez del Corral L. 1956. El liberalismo doctrinario. Madrid : IEP. 602 p.
- Diez del Corral L. 1998. La Monarquía Hispánica en el pensamiento político europeo. De Maquiavelo a Humboldt. T. 3. Madrid : OO.CC, CEC. 3801 p.
- El Censor, periódico político y literario, 1822. T. 17. Madrid : Imprenta de D. León Amarita. 484 p.
- El Español, 15 de enero de 1836 [Электронный ресурс] // ФОМ : интернет-сайт. URL: <http://hemerotecadigital.bne.es/issue.vm?id=0003502088&search=&lang=es> (дата обращения: 12.03.2015).
- Fernández Sebastián J. 2006. Liberales y liberalismo en España, 1810-1850. La forja de un concepto y la creación de una identidad política // Revista de estudios políticos. № 134. P. 125-176.
- Flórez Estrada A. 1969. En defensa de las Cortes. Con dos apéndices, uno sobre la libertad de imprenta y otro en defensa de los derechos de reunión y de asociación. Madrid : Ciencia Nueva. 398 p.
- Jouvenel B. 2000. La Soberanía. Granada : Comares. 325 p.
- Larra M.J. de. 1836. Prólogo a la edición castellana de «El dogma de los hombres libres. Palabras de un creyente» de M.F. Lamennais. París : Baudry. 220 p.
- Madariaga S. 1979. España. Madrid : Espasa Calpe. 637 p.
- Martínez de la Rosa F. 1960. Espíritu del siglo. T. 152. Madrid : BAE. 265 p.
- Martínez Marina F. 1957. Discurso sobre el origen de la Monarquía y sobre la naturaleza del gobierno español. Madrid : IEP. 237 p.
- Menéndez Pelayo M. 2007. La historia de España. Madrid : Ciudadela. 350 p.
- Negro Pavón D. 1988. El liberalismo en España. Una ontología. Madrid : Unión Editorial. 355 p.
- Negro Pavón D. 1995. La tradición liberal y el Estado. Madrid : Unión Editorial. 322 p.
- Pacheco J.F. 1845. Lecciones de Derecho Público Constitucional. Madrid : Boix. 248 p.
- Queipo de Llano Ruiz de Saravia J.M., VII conde de Toreno. 1907. Historia del levantamiento, guerra y revolución en España. T. 64, libro 13. Madrid : BAE. 237 p.
- Quintana M.J. 1861. Informe de la Junta creada por la Regencia para proponer los medios de proceder al arreglo de las diversas ramas de Instrucción pública // Quintana M.J. Obras completas. Madrid : M. Rivadeneyra – Impresor – Editor. P. 175-191.
- Quintana M.J. 1972. Memoria sobre el proceso y prisión de don M.J. Quintana en 1814. Madrid : Narcea. 279 p.
- Resolución de la Junta Central sobre la convocatoria por estamentos (21 de enero de 1810) y Convocatoria de los distintos estamentos [Электронный ресурс] // ФОМ : интернет-сайт. URL: http://www.cervantesvirtual.com/obra-visor/resolucion-de-la-junta-central-sobre-la-convocatoria-por-estamentos-21-de-enero-de-1810-y-convocatoria-de-los-distintos-estamentos--0/html/fff98d90-82b1-11df-acc7-002185ce6064_2.html (дата обращения: 12.03.2015).
- Salas R. de. 1982. Lecciones de Derecho Público Constitucional. Madrid : CEC. 629 p.
- Schmitt C. 2005. Romanticismo político. Buenos Aires : Universidad Nacional de Quilmes. 256 p.

A.Z. Durán. Ispanskiy liberalizm XIX veka: ot idealov natsional'nogo suvereniteta k konstitutsionalizmu [Spanish liberalism of the XIX century: from ideal of national sovereignty to constitutionalism], *Nauch. ezhegodnik In-ta filosofii i prava Ural. otd-niya Ros. akad. nauk*, 2017, vol. 17, iss. 4, pp. 53-80. (in Russ.).

Armando Zerolo Durán, PhD, Associate Professor of San Pablo CEU University of Madrid, Spain. E-mail: azduran@ceu.es

Article received 30.08.2017, accepted 10.10.2017, available online 01.11.2017

SPANISH LIBERALISM OF THE XIX CENTURY: FROM IDEAL OF NATIONAL SOVEREIGNTY TO CONSTITUTIONALISM

Abstract. Liberalism appears in Spain at the beginning of the XIX century as a spontaneous popular movement against Napoleonic absolutism. The nation becomes self-conscious; as a result, political modernity comes to Spain. Peculiarity of Spanish political reality is that unlike other countries liberals fight for the establishment of the monarchy of Fernando VII but not against it, how it been, for example, in France. The relations of liberalism with the monarchy give it a very specific character. Ideologically, this is original liberalism because it results from the typically Spanish political reality – “medieval Spanish monarchy” founded by “Catholic kings”, and both moderate liberals and right-wing radicals value it. This political form is a fundamental myth of Spanish liberalism, and is the forerunner of the modern constitutional monarchy. Spanish liberalism is an unrealized attempt; it never obtained its own political body and proved to be incompatible with the masses, which led to the civil war of 1936–1939s.

Keywords: liberalism, Spanish monarchy, sovereignty, modern constitutionalism, XIXth century Spain.

References

Alcalá-Galiano y Villavicencio A. *Orígenes del liberalismo español. T. 84* [Origins of Spanish Liberalism. Vol. 84], Madrid, Atlas, 1955, 305 p. (in Spanish).

Antología de las Cortes de Cádiz. Vol. 1 [Anthology of the Cortes of Cadiz. Vol. 1], Madrid, Establecimiento Tipográfico Hijos de J.A. García, 1909, 1562 p. (in Spanish).

Argüelles A de. *Discurso preliminar a la Constitución de 1812* [Preliminary Address to the Constitution of 1812], Madrid, CEPC, 1981, 132 p. (in Spanish).

Balmes J. *Cataluña. Antología política. T. 1* [Catalonia. Political Anthology. Vol. 1], Madrid, B.A.C., 1950, 898 p. (in Spanish).

Balthasar H.U. von. Gloria. *Una estética teológica* [A theological aesthetics], Madrid, Encuentro, 2007, 616 p. (in Spanish).

Berman H.J. *Law and Revolution. The formation of the Western Legal Tradition*, Cambridge, Harvard Univ. Press, 1983, 672 p.

Borrego A. *El 48: Autocrítica del liberalismo* [Year 48: Self-criticism of liberalism], Madrid, Iter, 1970, 229 p. (in Spanish).

Diario de las discusiones y actas de las Cortes. Vol. 8 [Diary of the discussions and minutes of the Cortes. Vol. 8], Cádiz, Imprenta Real, 1811, 472 p. (in Spanish).

Diccionario de Autoridades. T. 4 [Dictionary of Authorities. Vol. 4], Madrid, Imprenta de la Real Academia Española, por los herederos de Francisco del Hierro, 1734, 699 p. (in Spanish).

Diez del Corral L. *El liberalismo doctrinario* [Doctrinal Liberalism], Madrid, IEP, 1956, 602 p. (in Spanish).

Diez del Corral L. *La Monarquía Hispánica en el pensamiento político europeo. De Maquiavelo a Humboldt. T. 3* [The Hispanic Monarchy in European political thought. From Machiavelli to Humboldt. Vol. 3], Madrid, OO.CC, CEPC, 1998, 3801 p. (in Spanish).

El Censor, periódico político y literario. T. 17 [The Censor, political and literary periodical. Vol. 17], Madrid, Imprenta de D. León Amarita, 1822, 484 p. (in Spanish).

El Español [The Spaniard], 15 de enero de 1836, available at: <http://hemerotecadigital.bne.es/issue.vm?id=0003502088&search=&lang=es> (accessed 12 January 2015). (in Spanish).

Fernández Sebastián J. *Liberales y liberalismo en España, 1810-1850. La forja de un concepto y la creación de una identidad política* [Liberals and liberalism in Spain, 1810–1850. The forging of a concept and the creation of a political identity], *Revista de estudios políticos*, 2006, no 134, pp. 125-176 (in Spanish).

Flórez Estrada A. *En defensa de las Cortes. Con dos apéndices, uno sobre la libertad de imprenta y otro en defensa de los derechos de reunión y de asociación* [In defense of the Cortes. With two appendices, one on freedom of the press and another in defense of the rights of assembly and association], Madrid, Ciencia Nueva, 1969, 398 p. (in Spanish).

Jouvenel B. *La Soberanía* [The Sovereignty], Granada, Comares, 2000, 326 p. (in Spanish).

Larra M.J. de. *Prólogo a la edición castellana de «El dogma de los hombres libres. Palabras de un creyente» de M.F. Lamennais* [Foreword to the Castilian edition of «The dogma of free men. Words of a believer» by M.F. Lamennais], París, Baudry, 1836, 220 p. (in Spanish).

Madariaga S. *España* [Spain], Madrid, Espasa Calpe, 1979, 637 p. (in Spanish).

Martínez de la Rosa F. *Espíritu del siglo. T. 152* [Spirit of the century. Vol. 152], Madrid, BAE, 1960, 265 p. (in Spanish).

Martínez Marina F. *Discurso sobre el origen de la Monarquía y sobre la naturaleza del gobierno español* [Speech on the origin of the Monarchy and on the nature of the Spanish government], Madrid, IEP, 1957, 237 p. (in Spanish).

Menéndez Pelayo M. *La historia de España* [The history of Spain], Madrid, Ciudadela, 2007, 350 p. (in Spanish).

Negro Pavón D. *El liberalismo en España. Una ontología* [Liberalism in Spain. An ontology], Madrid, Unión Editorial, 1988, 355 p. (in Spanish).

Negro Pavón D. *La tradición liberal y el Estado* [The Liberal Tradition and the State], Madrid, Unión Editorial, 1995, 322 p. (in Spanish).

Pacheco J.F. *Lecciones de Derecho Público Constitucional* [Lessons in Constitutional Public Law], Madrid, Boix, 1845, 248 p. (in Spanish).

Queipo de Llano Ruiz de Saravía J.M., VII conde de Toreno. *Historia del levantamiento, guerra y revolución en España. T. 64, libro 13* [History of the uprising, war and revolution in Spain. Vol. 64, b. 13], Madrid, BAE, 1907, 237 p. (in Spanish).

Quintana M.J. *Informe de la Junta creada por la Regencia para proponer los medios de proceder al arreglo de las diversas ramas de Instrucción pública* [Report of the Board created by the Regency to propose the means to proceed to the settlement of the various branches of Public Instruction], M.J. Quintana, *Obras completas*, Madrid, M. Rivadeneyra – Impresor – Editor, 1861, pp. 175-191 (in Spanish).

Quintana M.J. *Memoria sobre el proceso y prisión de don M.J. Quintana en 1814* [Report on the trial and imprisonment of Don M.J. Quintana in 1814], Madrid, Narcea, 1972, 279 p. (in Spanish).

Resolución de la Junta Central sobre la convocatoria por estamentos (21 de enero de 1810) y Convocatoria de los distintos estamentos [Resolution of the Central Junta on the convocation by estates (January 21, 1810) and Call of the different estates], available at: http://www.cervantesvirtual.com/obra-visor/resolucion-de-la-junta-central-sobre-la-convocatoria-por-estamentos-21-de-enero-de-1810-y-convocatoria-de-los-distintos-estamentos--0/html/fff98d90-82b1-11df-acc7-002185ce6064_2.html (accessed 12 January 2015). (in Spanish).

Salas R. de. *Lecciones de Derecho Público Constitucional* [Lessons in Constitutional Public Law], Madrid, CEC, 1982, 629 p. (in Spanish).

Schmitt C. *Romanticismo político* [Political Romanticism], Buenos Aires, Universidad Nacional de Quilmes, 2005, 256 p. (in Spanish).